

Менжулин В.И. Другой Сикорский: неудобные страницы истории психиатрии. Киев: Сфера, 2004. 490 с.

Такое заглавие – «Другой Сикорский» – книга получила не только потому, что речь в ней идет не об известном авиаконструкторе Игоре Ивановиче Сикорском, а о его отце, психиатре Иване Алексеевиче, – историкам наук о человеке имя старшего Сикорского известно лучше имени знаменитого вертолетостроителя. «Другим» психиатр Сикорский назван потому, что автор книги, киевлянин Вадим Игоревич Менжулин, поставил целью уйти от общепринятых, но неточных стереотипов, которые ассоциируются с именем этого ученого.

Своей известностью И.А. Сикорский (1842–1919) обязан не только своим научным работам и деятельности по созданию кафедры психиатрии в Университете Св. Владимира. Ее он снискал в значительной степени благодаря участию в так называемом деле Бейлиса – судебном процессе, на котором киевский еврей Мендель Бейлис обвинялся в убийстве православного мальчика. Призванный в качестве эксперта, Сикорский в своем заключении поддержал версию обвинения о ритуальном убийстве. Как и дело Дрейфуса во Франции, процесс против Бейлиса в России вызвал бурную реакцию со стороны прогрессивной интеллигенции, и Сикорский подвергся остракизму коллег. С тех пор, утверждает автор книги, историки не могут пройти мимо этого имени равнодушно.

Еще в первой половине XX в. в отечественной историографии обозначились две точки зрения на деятельность Сикорского. Формирование одной из них Менжулин связывает с работами историка А.С. Тагера и врача Н.А. Семашко, которые третировали ученого как «профессора от полиции», получав-

шего вознаграждение от царской охранки. Сторонники второй точки зрения, названной в книге «линией Каннабиха–Юдина» (советских историков психиатрии), стремились отделить науку от политики и ограничивались только описанием его работы как психиатра. Менжулин взял на себя трудную задачу объединить обе сферы деятельности Сикорского – его плодотворную работу в области психиатрии, психологии и образования, с одной стороны, и его печально известные политические взгляды, – с другой. В результате получился «другой Сикорский» – такой, о котором мы до сих пор знали мало.

Несмотря на то, что в книге почти полтысячи страниц, читается она с увлечением. Этому способствует литературный, почти публицистический и часто ироничный стиль автора. Он отличается от объективно-фактографического стиля многих иных научных биографий и придает описанию живость и эмоциональность. Мне кажется, однако, что использование такого стиля является подчас препятствием для достижения той цели, которую поставил перед собой автор – проведению объективного, неангажированного исторического анализа. Такое замечание можно сделать не только в адрес книги Менжулина. Выбор нарратива очень важен. Романизируя историческое описание, делая повествование более литературным, историк, безусловно, расширяет круг своих читателей, но в то же время уменьшает доверие к сообщаемой им информации. Читатель воспринимает такого рода нарратив как художественное произведение, а не описание реальных лиц и событий. Историкам еще предстоит положить голову над тем, как сделать свое

повествование одновременно объективным и не похожим на список сданных в прачечную вещей, иными словами, как избежать Сциллы академической скуки и Харибды журналистской поверхностности.

Среди достоинств книги следует отметить ее взвешенность. Хотя задача восстановления исторической справедливости требовала посвятить львиную долю ее объема описанию именно нелицеприятных моментов жизни Сикорского, автор довольно тактично излагает участие Сикорского в политических процессах – например, деле сектантов-малеванцев или уже упомянутом деле Бейлиса – и даже такой острый вопрос, как сотрудничество Сикорского с Киевским клубом русских националистов. В результате перед читателем встает образ человека, у которого отсутствовал бытовой антисемитизм, но который успешно защищал расовую теорию с кафедры, – парадокс, как показывает Менжулин, типичный для эпохи Сикорского.

Другим биографическим сюжетам – роли Сикорского как одного из основателей детской психологии и психиатрии в нашей стране, сторонника женского образования и сексуального просвещения, борца за трезвость – повезло меньше. Возможно, что если бы этой стороне деятельности Сикорского было бы уделено больше внимания, дилемма антигуманизм–гуманность оказалась бы еще более острой. Как один и тот же человек мог с кафедры отстаивать идеи о биологически низших расах и отдать свой особняк под лечебницу для душевнобольных детей? Для ответа на этот вопрос автору стоило бы предоставить слово самому главному герою, обратившись, наряду с научными работами, к документам личного, исповедального характера. Пока же Сикорский-человек остается для читателя загадкой, и еще один «другой Сикорский» ждет своего открытия.

И.Е. Сироткина

Вавилов Ю.Н. В долгом поиске. Книга о братьях Николае и Сергее Вавиловых. М.: ФИАН, 2004. 330 с.

Эта книга увидела свет через 60 лет после трагической гибели Николая Ивановича Вавилова (1887–1943) – отца автора – и более полувека спустя после безвременной кончины его дяди – Сергея Ивановича (1891–1951). Оба – академики, они были гордостью отечественной науки первой половины прошедшего столетия. Ушли из жизни почти все, кто трудился с ними бок о бок. Мало осталось и учеников. Воспоминания написаны, и вряд ли что-нибудь новое и значительное еще сможет быть восполнено памятью. Остается надежда только на какие-то до сих пор не пущенные в оборот документальные свидетельства или затерянные рукописи, когда-то написанные в стол. Отчасти все это присутствует в рецензированном труде.

Юрий Николаевич Вавилов всю сознательную жизнь находится в долгом поиске. Вероятно, сейчас трудно найти в России другого человека, который бы десятилетиями так последовательно, по крупицам, собирал по всему миру материалы о близких ему людях и в первую очередь об отце. Хорошо известна одна из особенностей человеческой натуры. Люди с возрастом обычно отчетливее помнят события, очевидцами которых они были в детстве и юности, и быстро забывают происходившее с ними в последние годы или месяцы. Тем ценнее детские и юношеские свидетельства автора, впервые опубликованные в книге.

Воспоминания начинаются с описания интерьера кабинета, а также библи-